

УДК 821.161.1

Л. В. Гармаш

**МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ:
ТИХИЕ ДЕТИ В РОМАНЕ Ф.К. СОЛОГУБА «ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА»**

В трилогии Ф. К. Сологуба «Творимая легенда», состоящей из трех романов («Капли крови», «Королева Ортруда», «Дым и пепел»), как и в более ранних романах писателя, танатологические образы и мотивы играют ведущую роль в развитии сюжета. Внимание исследователей уже привлекал образ тихих детей, которые анализировались как в рамках изучения темы детства в творчестве писателя – в работах Н. А. Глинкиной, Н. А. Дворяшиной, М. М. Павловой, так и в процессе изучения проблематики, поэтики, истории создания трилогии – в трудах М. Г. Баркера, Д. Грин, Е. Магомедовой, М. А. Львовой, О. П. Мойсеевой, Е. В. Сергеевой, А. В. Сысоевой, И. Хольтхузена и др. Цель данной статьи – анализ одного из важнейших типов танатологических персонажей, представленных в творчестве Сологуба, в контексте мировоззренческих представлений эпохи.

Образ тихих детей занимает особое место среди персонажей «Творимой легенды». Встреча сестер Рамеевых с одним из тихих детей происходит уже в первой главе романа «Капли крови». Побуждаемые любопытством, сестры подходят к калитке усадьбы Триродова, но дверца заперта, а через изгородь перелезть они не могут. И тогда из кустов внезапно появляется мальчик, который открывает перед ними калитку и незаметно скрывается. Повествователь подчеркивает непохожесть поведения и выражения лица мальчика на обычных деревенских ребят – крепких, румяных, шумных. Он не по годам печален: «какое-то неподвижно-скорбное выражение таилось в уголках его рта», а ясные глаза смотрят на сестер «слишком спокойно» [12, с. 11]. Он возникает и исчезает так быстро и почти бесшумно, что напоминает призрачного лесного духа. Все эти странности в действиях и облике мальчика объясняются, во-первых, эпитетом повествователя, характеризующим его глаза – «неживые»,

что прямо указывает на принадлежность мальчика, по крайней мере, частично, к миру мертвых. Во-вторых, противоположной оценкой тихих детей, данной сестрами. Елена называет их «уродцами», а Елисавете в лицах тихих детей видятся «лица молящихся ангелов» [12, с. 15], т. е. обе сестры отмечают, что эти дети отличаются от обычных, но если Елена смотрит на них с точки зрения обывателя, то проницательная Елисавета способна разглядеть в них доминирование духовного начала.

В детской колонии Триродова тихие дети живут отдельно от остальных, не принимая участия в общих занятиях. Одна из учительниц говорит о тихом мальчике: «это – не здешний» [12, с. 13]. Ее замечание относится не к месту его проживания, так как тихие дети находятся в той самой усадьбе Триродова, где размещается детская колония. Его нужно понимать в переносном смысле: мальчик не принадлежит земному миру, он пребывает не здесь, а там – в некоем другом мире. Подобный ответ сестрам дает и мальчик из колонии: «Там, в главном доме, у Георгия Сергеевича, есть еще тихие дети. Они с нами не бывают. Они тихие. Не играют. Они были больные. Должно быть, еще не поправились. Я не знаю. Только они отдельно» [12, с. 16]. Сестрам становится не по себе, когда к ним подходят тихие дети, стоят «неподвижно, как неживые», и смотрят «безвыразительным, прямым взором» [9 гл, с. 58]. Тихие дети как бы пребывают в особом пограничном мире. Как пишет М. Г. Баркер, они находятся в некоей сумеречной зоне между живыми и мертвыми: «the pale, quiet boys exist in a kind of twilight zone between the living and the dead» [14, с. 143].

Пограничный характер существования тихих детей сказывается в их стремлении постоянно прятаться, таиться от людей, они как будто возникают ниоткуда и также незаметно исчезают. Они и в кабинет Триродова попадают через потайную дверь. Их белые одежды символизируют чистоту и непорочность детства, но также напоминают о цвете савана покойника. Соприкосновение с реальным миром, как следует из разговора Триродова и Кириши, может повлечь опасные последствия и для тихих детей, и для того, кто с ними общается [12,

с. 19]. В основном они ведут ночной образ жизни, пребывая между небом и землей и не принадлежа ни одному из миров: «качаются на качелях – ни внизу на земле, ни вверху на небе» [13, с. 83]. Елисавета отмечает непривычную белизну их кожи, отсутствие загара, днем они стараются держаться в тени деревьев. Их связь с миром мертвых становится особенно явной в ночь шествия мертвецов по навей тропе. Тихие дети видят то, что скрыто от глаз людей, могут общаться с потусторонними силами, обладают особыми способностями, но в то же время они материальны, телесны, хотя солнце и земля над ними не властны: ни загар, ни земная грязь или пыль к ним не пристаю. Их появление действует умиротворяюще на людей и природу.

В третьей главе описывается встреча сестер с тихими детьми на лесной лужайке: «в тихом хороводе кружились мальчики и девочки в белых одеждах» [12, с. 24]. Хоровод – ритуальный танец, обычно исполнявшийся при проведении языческих обрядов. В данном случае основная фигура хоровода – круг – соотносится с чрезвычайно популярным среди символистов образом «вечного возвращения» из философского учения Ф. Ницше, который, в свою очередь, обратился к важнейшему понятию древнегреческой философии и буддизма – метемпсихозу (постоянно повторяющемуся перерождению души). По мнению Н. А. Глинкиной, создавая миф о тихих детях, автор «Творимой легенды» стремится таким образом «разорвать “пламенный круг” вечных возвращений» [4, с. 106]. С буддистскими представлениями об отсутствии желаний как высшей цели духовных практик человека, стремящегося таким образом прервать бесконечную цепь перерождений души и достичь нирваны, связано замечание Триродова о тихих детях: «они ничего не хотят» [12, с. 83]. В подобном же состоянии, как об этом говорится в «Послании патриархов восточно-кафолической церкви о православной вере» от 1723 года, находятся души умерших, которые «не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения» [8].

С мотивом тишины, постоянно используемым автором в описании этих персонажей и характеризующим прежде всего их поведение, тесно перекликается мотив покоя, существенный для передачи

их внутреннего состояния: «покойные глаза» у мальчика, вошедшего в кабинет к Триродову, чтобы взять некий странный флакон, «успокоенное лицо» у Гриши. Сологубовский мотив покоя вызывает в памяти знаменитые строки Пушкина: «на свете счастья нет, но есть покой и воля» [10, с. 387], где тоже речь идет о мимолетности человеческой жизни, нить которой может оборваться в любой момент. Покой – одна из пяти философских категорий, предложенных Платоном, онтологическое свойство идеи, так как «истинное бытие есть бытие *неподвижное*, а все движущееся, становящееся представляет собой уход от бытия к небытию» [2]. В выражении «уйти на покой» подчеркивается отрешение человека от бессмысленных хлопот и суеты внешнего мира, стремление к уединению и самоуглублению. Однако в наибольшей степени состояние покоя характерно для умершего, которого по традиции принято называть «покойником». Таким образом, мотивы качелей, отсутствия желаний и покоя становятся поэтическими средствами, маркирующими пограничное состояние тихих детей между жизнью и смертью, бытием и инобытием.

Кто такие тихие мальчики и как они попали в усадьбу Триродова, можно догадаться по истории смерти и последовавшего за нею воскрешения мальчика Егорки, который, никого не предупредив, целую неделю проводит с тихими детьми. Таинственное исчезновение ребенка порождает слухи о его насильственной смерти. Здесь обыгрываются возникшие еще в эллинистическую эпоху подозрения, что иудеи убивают христиан с целью использования их крови в своих обрядах. Кровавый навет на евреев укоренился в фольклоре и породил массу случаев обвинения их в ритуальных убийствах. В Российской империи судебные процессы по таким обвинениям были особенно частыми в XIX веке, но наиболее громким стало дело М. Бейлиса, следствие и суд по которому длились с 1911 по 1913 гг. и всколыхнули всю Россию. В романе Сологуба версия о ритуальном убийстве Егорки возникает как ни на чем не основанное допущение обывателей, которое быстро распространяется по Скородожу. В смерти Егорки после жестокой порки, которой его мать встретила сына после возвращения из усадьбы Триродова, также обвиняются евреи.

Горько причитая над телом мальчика, мать не может признаться, что это она виновата в его смерти: «Всю кровь у него высосали проклятые жида!» [12, с. 163]. Избавиться от чувства вины она пытается с помощью проекции ее на другую социальную группу, опираясь на упомянутые выше слухи. Телесные наказания для матери Егорки были совершенно обыденным, бытовым и привычным делом, поэтому не могут расцениваться ею как причина смерти мальчика: «Да так ли я его прежде, голубчика моего, парывала! Бывало, попорешь и солью посолишь, и все ничего, – а тут маленькою вичкою...» [12, с. 163].

В главе, описывающей шествие мертвецов по навьей тропе, повествователь выделяет из толпы двух мальчиков, также погибших из-за жестокого обращения взрослых. Они, как и другие мертвецы, в соответствии с христианскими представлениями о загробной жизни, ожидают Страшного суда. Один из мальчиков, Митька Сосипатров, повесился на чердаке, не выдержав мучений. Именно для таких персонажей Сологуба смерть, как писал А. Шопенгауэр, «является <...> благом и желанной гостьей» [13, с. 88]. Из разговора становится ясно, что Митьку тревожит возможное наказание. Как известно, христианская церковь относилась к самоубийцам очень сурово, запрещая отпевать и хоронить их в пределах церковной ограды, а их души после смерти были обречены на вечные мучения. Второй мальчик уверен в том, что его душа попадет в рай, так как его, как и Егорку, «запороли солеными розгами» [12, с. 88]. Он обещает обратиться к высшим силам с просьбой о прощении совершенного Митькой греха самоубийства: «как только меня наверх в горницы пустят, я прямо Богородице в ноги бухну, буду в ногах валяться, пока тебя не простят» [12, с. 88].

Описанию смерти Егорки отводится концовка 25 главы. Оно состоит из двух эпизодов, разделенных по времени действия на вечернюю сцену, в которой мать жестоко наказывает сына, и утреннюю попытку матери разбудить мальчика, скованного «смертным тяжелым сном» [12, с. 163]. Повествование ведется от лица всеведущего нарратора, который то объективно описывает все происходящее с точки зрения невидимого наблюдателя, то передает мысли матери

и Егорки. Их образы характеризуются как диаметрально противоположные. Егорка еще при своем первом появлении в романе описывается как «ангел в коричневой маске, покрытой пятнами грязи и пыли» [12, с. 157], такими же ангелами кажутся ему тихие дети. После встречи с ними мальчик меняется внутренне и внешне, ему уже не хочется возвращаться домой, к нищете и колотушкам. Повествователь подчеркивает его беззащитность перед грубой яростью матери, которая напоминает дикую фурию. Она свирепо кричит вечером, избивая сына, и «визгливо воет» от ужаса утром, когда понимает, что Егорка умер. В тексте дважды повторяется, что он был «грустный и светлый», так как душа его уже перестроена «на иной лад» [12, с. 162].

Тема временной смерти этимологически восходит к древнейшим обрядам инициации [9]. В литературе, пожалуй, наиболее известный случай такой смерти встречается в творчестве Шекспира. Подобно шекспировской Джульетте, герой Сологуба засыпает под действием некоего магического вещества, которое настолько замедляет все функции организма, что окружающим кажется, будто мальчик действительно умер. Нарратор отмечает явные признаки смерти у Егорки. Когда мать пытается его разбудить, он лежит на скамье лицом вниз, бездыханный, холодный и неподвижный. Если живой Егорка «казался светлым», то теперь он стал «темным и холодным трупом» [12, с. 162]. Тем не менее, в состоянии временной смерти (сравнимой с летаргическим сном), не все функции организма утрачены. По наблюдениям В. Проппа, даже у мертвеца в русских сказках хотя и отсутствует способность зрительного восприятия окружающего мира, но хорошо развито обоняние, поэтому баба-яга узнает о присутствии Ивана по запаху: в ее избушке «русским духом пахнет» [9]. У Егорки сохраняется возможность слышать происходящее вокруг и даже анализировать свое новое состояние, которое не во всем совпадает с его представлениями о смерти: «А что же душа с телом не разлучается? Ни рук, ни ног не чую, а слышу» [12, с. 163]. Он спокойно констатирует факт собственной смерти. Чувства, переживаемые им, – удивление и любопытство. Второй вопрос, которым задается Егорка:

«Умер, – куда ж теперь меня определяют?». Благодаря слуху мальчик может догадываться, что именно происходит: «Точно стук чужого тела услышал он, – догадался, – на пол положили, мыть» [12, с. 163]. Соотнося доносящиеся до него звуки со знакомым обрядом обмывания тела и отпевания, мальчик понимает, что он мертв и его хоронят. Несмотря на тяжелую жизнь, ребенок не хочет умирать и пытается изо всех сил вернуться в мир живых. В отличие от тихих детей, у Егорки еще не полностью утрачена воля к жизни, но она настолько слаба, что все его попытки освободиться от неподвижности, сковывающей тело, остаются безуспешными: «так хотелось пошевелиться, встать, – не мог» [12, с. 163].

В тайну пробуждения Егорки от смертного сна посвящены Триродов, Елисавета, Кирша и тихие дети. Триродов обладает магическими способностями погружать человека во временный сон, а затем пробуждать от этого сна. Их происхождение автором не объясняется, но можно догадаться, что они являются следствием того, что главный герой романа глубоко изучил алхимию, магию, оккультизм, а также хорошо знаком с последними достижениями современной науки. Триродов умеет концентрировать в себе некую энергию и с ее помощью управлять другими людьми. В частности, он использует ее для пробуждения Егорки от временной смерти: «между ним и могилою, где смертным сном томился отошедший от жизни отрок, пробегал тайный ток, чаруя и пробуждая спящего в гробу» [12, с. 167].

Мотив воскрешения из мертвых соотносится с фундаментальными положениями одного из наиболее известных представителей русского космизма Н. Федорова, а именно с его мечтой об оживлении всех предыдущих поколений людей, когда-либо живших на земле. В трилогии «Творимая легенда» мы наблюдаем инверсию центральной федоровской идеи «воскрешения отцов», составившей основание его философии «общего дела». Не желая примириться со смертью, Федоров полагал, что благодаря научно-техническому прогрессу будет возможно переустроить человеческий организм и окружающую его природную среду, в результате чего все человечество обретет бессмертие. Художественное воплощение Сологубом этой

идеи приводит к ее существенной трансформации. Не «отцов» хочет воскресить главный герой романа, а детей. «Жить – только невинным», – думает Триродов, когда вспоминает о своей горячо любимой жене, усматривая причину ее смерти в рождении сына [12, с. 77]. Объяснение такого отношения Триродова к смерти жены, по нашему мнению, содержится в трактате Вл. Соловьева «Смысл любви». Русский философ считает высшим смыслом любви не слепое продолжение рода: «деторождение не есть собственное дело любви» [11]. По его мнению, это приводит только к бесконечной череде смертей: «само собой ясно, что, пока человек размножается как животное, он и умирает как животное» [11]. По мысли сологубовского героя, сохранение невинности (а таковы именно дети) является условием освобождения человека от смерти. В этом мы видим также сходство с позицией Федорова, который полагал, что необходимо трансформировать энергию любви, которая до настоящего времени служила лишь для удовлетворения слепого инстинкта размножения, направленного на бесконечное воспроизведение человека как природного существа. Не растрчивать эту силу, а одухотворить ее – вот задача, для выполнения которой от человечества требуется целомудрие. Именно благодаря аккумуляции и перераспределению этой необычайно мощной энергии можно будет использовать ее, по мысли Федорова, для восстановления умерших и достижения бессмертия для всего человечества. Герой Сологуба, однако, полагает, что не все достойны воскрешения из мертвых, а лишь «знающие и невинные», преодолевшие благодаря познаниям Триродова ограничения своей физической и душевной природы. Накопив достаточно энергии для выхода за пределы земной атмосферы в космос, они создадут новый, совершенный мир. Вероятно, в образе Триродова отразились черты человека нового эволюционного вида – *homo sapiens explogans* (человек разумный, исследующий). Это понятие принадлежит еще одному представителю русского космизма, известному русскому физику Н. А. Умову, поэтический портрет которого создал Андрей Белый в поэме «Первое свиданье». Как и профессор Умов, Триродов занимается наукой, совершая потрясающие открытия. Это человек,

обладающий планетарным мышлением. Триродов изобретает удивительный космический корабль (искусственную луну), на котором он и его единомышленники спасаются от нападения разбушевавшейся толпы и перелетают в королевство Соединенных островов.

Пробуждение Егорки от смерти описано в 27 главе романа «Капли крови». Оживлять умершего Триродову помогают тихие дети, так как он, несмотря на свои широкие познания, не обладает некоторыми необходимыми для такого занятия способностями. Так, он вынужден спрашивать у тихого мальчика Гриши, проснулся ли уже Егорка, чтобы успеть выкопать его из могилы живым. Кроме того, отправляясь освобождать Егорку из могильного плена, Триродов берет с собой тихих детей – четырех мальчиков и четырех девочек, вероятно, в соответствии с количеством углов гроба. Обряд «восстания из гроба» проводится ночью. На кладбище, куда Триродов, Кириша и тихие дети попадают по навью тропе, царит мистическая атмосфера. Это особое пространство, укутанное туманом, таинственное царство мечты и успокоения. Оно отделено от остального мира забором, но калитка оказывается отпертой, когда к ней приближается Триродов с детьми. Здесь стираются границы между живым и мертвым: «спали сторожа, как мертвые, и мертвые спали, сторожа бессильно свои гробы» [12, с. 169]. Гроб, в котором находится Егорка, не случайно сравнивается повествователем с домом. С древнейших времен в представлениях славян установилась мифологическая связь между понятиями «гроб» и «дом». В русском и украинском языках синонимами «гроба» были слова «домовина» и «домовище», так как гроб осмыслялся как «вечное» жилище для умершего.

Приближаясь к могиле Егорки, герои Сологуба слышали, как земля будто «плачет, стонет и томится» [12, с. 169]. Так повествователь передает мучительное состояние мальчика, задыхающегося в гробу. Он из последних сил пытается выбраться из своего заточения: «еще землю полузасыпан был гроб, но уже мальчики чувствовали под ногами дрожание его крышки» [12, с. 169]. Описывая непосредственно момент пробуждения Егорки от смертного сна, повествователь сосредоточен на фиксации внутренних переживаний

мальчика и тех физических ощущений, которые могли бы быть возможны в подобной ситуации. Сначала герой не понимает, где он находится. Его сознание спутано, он чувствует тяжесть в голове, духоту. Бредовые воспоминания сменяются ясным осознанием, что он похоронен живьем. Эта мысль ужасает мальчика, но его попытки освободиться не дают результата. Нехватка воздуха переживается им как нападение невидимого убийцы, который пытается его задушить, его «шея, словно сжатая чьими-то пальцами, судорожно сжималась» [12, с. 168]. В кромешной тьме перед глазами Егорки «метался пламенный мрак заколоченного гроба» [12, с. 168]. На помощь Егорка призывает «три жировика, три лесовика, три отпадшие силы» [12, с. 168]. Здесь перечисляются хорошо известные в крестьянской среде демонические существа. Жировик – это домовый, получивший такое прозвище «за обычай житья в тепле и холе» [6, с. 33]. Лесовиками называли потусторонних существ, обитавших в лесу. В общем-то, и жировиков, и лесовиков можно тоже причислить к разряду отпадших сил, так как подобным образом принято было называть «нечистых духов, которые, по поверьям, некогда были ангелами, но отпали от Бога, воспротивились Ему и буквально «упали», были свергнуты с неба» [4, с. 270]. Эта «формула»-перечисление нечистой силы была известна в крестьянской среде и встречается в заговоре на болезнь скота: «Господи, благослови, отче! Святой Власей, Егорей велико-мученик, царица Александра! На сем селе, на сем дворе, у раба Божия (имя) во хлеве сидят три жировика и три лесовика, и три отпадших силы...» [5, с. 28]. Но если в данном заговоре эти существа представлены как вредоносные, от которых необходимо избавиться, то для тихих детей, включая и Егорку, они не представляют опасности. Скорее они выполняют функцию потустороннего помощника героя. Тем не менее, если бы тихие дети не успели вовремя откопать могилу, то Егорка мог бы умереть вторично. Он борется из последних сил, и когда крышку гроба наконец снимают, то все присутствующие видят, что мальчик лежит не на спине, а на боку. Повествователь описывает, как уже почти потерявший сознание Егорка с притоком свежего воздуха пробуждается

к жизни, испытывая при этом двойственное чувство. Сначала это радость, но она быстро проходит. Мальчик также удивляется тому, что он жив, в то время как надпись на кресте гласит, что «отрок Георгий Антипов» умер и его тело покоится в могиле. Однако это длится недолго. И вот уже Егорка становится совершенно таким же, как остальные дети, тихим и равнодушным. Взамен радости жизни ему обещают посвящение в тайны, скрытые от глаз обычных людей, а равнодушные это – вещее, как указывает повествователь. Мальчик теперь наделен особой проницательностью и даром предвидения, он познал тайну жизни и смерти.

Триродов объясняет Елисавете, что ждет Егорку в будущем: «он проснется для жизни, лишенной страстей и желаний, для ясного видения и слышания» [12, с. 166]. Таким видением и слышанием наделены в романе Сологуба тихие дети, противопоставленные миру взрослых, основной грех которых заключается в том, что «имея уши, не слышат, а имея очи, не видят, и сердце их огрубело» (Марк 8:17-18). При первом посещении тихие дети открывают перед Егоркой иной мир – ночной, таинственный, чарующий, наполненный лесными духами. Мальчик как будто попадает в сказку, где он встречает «нежитей лесных маленьких с голосочками шелестинными, с волосочками паутинными, пряменьких и горбатеньких, лесных старчиков, последышей и попутников, зоев пересемешников в кафтанах зелененьких, полуночников и полуденников, черных и серых, жутико-шутиков с цепкими лапками, невиданных птиц и зверей, все, чего нет в дневном, земном, темном мире» [12, с. 160]. Как видим, этих лесных обитателей повествователь называет «нежитями», т. е. все они – мертвецы, так как мир сказки «отражает в основном представления о смерти» [9]. В заклинаниях, с помощью которых Триродов заставляет Егорку проснуться в могиле, также звучит мотив обретения мальчиком после пробуждения от смертельного сна сверхъестественных способностей: «я открою твои глаза, и увидишь, чего не видел доньше. Я открою твой слух, и услышишь, чего не слышал доньше» [12, с. 166]. Этот мотив вызывает ассоциации с тем божественным даром, которым наделил шестикрылый серафим

пушкинского пророка в одноименном стихотворении, восходящем в свою очередь, как указал А. Незеленов, к 6-й главе Книги пророка Исаи [7, с. 246-247]. В стихотворении Пушкина, по мнению Алексеева, «центральная роль отводится семантике “чудесного пробуждения”» и мотиву «чудесного преображения» [1]. Эти же мотивы доминируют в 27 главе романа «Капли крови». Мальчик Егорка, как и пушкинский лирический герой, проходит через сон-смерть, чтобы затем возродиться в новом качестве. Функции серафима в романе Сологуба выполняет ученый-алхимик Триродов, а место поэта-пророка занимает невинный мальчик. В стихотворении Пушкина серафим повелевает поэту идти и «глаголом жечь сердца людей», т.е. проповедовать волю Бога. Поэт Триродов сам становится демиургом, творцом нового мира, поэтому в своих заклинаниях он призывает спящего в могиле мальчика: «Ты от меня, ты мой, ты я, приди ко мне» [12, с. 166]. Отождествление «ты» и «я» здесь не случайно. Это выражение одной из центральных идей Шопенгауэра, который утверждал иллюзорность множественности феноменального бытия. Поэтому для познания истины необходимо отказаться от принципа индивидуализации, от опредмечивания мира, т.е. от представления, и вернуть абсолютное единство мировой воли.

Егорка, преобразившийся после смертного сна, как и другие тихие дети, необходим Триродову для «восстановления единой воли» [12, с. 166]. Герой Сологуба намерен придать определенный вектор бессознательному «слепому порыву», которым, по Шопенгауэру, является мировая воля, организовать титаническую стихийную силу, чтобы преодолеть тяжесть косной материи. Для этого Триродов хочет объединить множество индивидуальных волей в общем стремлении к радикальной трансформации мира, таким образом избавиться от случайности жизни «с ее ежечасными, ежедневными, еженедельными и ежегодными, маленькими, большими невзгодами, с ее обманутыми надеждами, с ее неудачами и разочарованиями» [13] и создать мир, свободный от жестокости, боли и страданий.

Литература

1. Алексеев П. В. Стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» в кораническом контексте / П. В. Алексеев. // http://ec-dejavu.ru/p-2/Pushkin_Prophet.html.
2. Вахитов Р. Критика демократии у Платона (онтологический аспект) [Электронный ресурс] / Р. Вахитов. // Режим доступа: http://redeurasia.pard.ru/biblioteka/kritika_u_platona.html.
3. Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий / М. Власова. – СПб.: Северо-Запад, 1995. – 383 с.
4. Глинкина Н. А. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда» (Проблема художественного синтеза жизнеподобия и условности): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / Н. А. Глинкина. – Ульяновск, 2003. – 150 с.
5. Заговор на болезнь скота: [Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. I. № 33] // Живая старина: Периодическое издание отделения Этнографии Имп. Русского Географического Общества. – СПб.: Тип. Мин-ва Путей Сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1907. – XVI. – Вып. I. – Отд. II. – С. 28.
6. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 529 с.
7. Незеленов А. Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799–1826) / А. Незеленов. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1882. – 248 с.
8. Послание патриархов восточно-кафолической церкви о православной вере (1723 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://krotov.info/acts/18/1/1723patr.html>.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Электронный ресурс] / В. Я. Пропп. // Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/proppvladimir/skazki/1-skazki.html>.
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. 2. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 799 с.
11. Соловьев Вл. Смысл любви / Вл. Соловьев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_0230.shtml.
12. Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. / Ф. Сологуб. – М.: НПК «Интепик», 2002. – Т. 4: Творимая легенда. – 672 с.
13. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kulichki.com/moshkow/FILOSOF/SHOPENGAUER/mir.txt>.

14. Barker M. The Novels of Fedor Sologub / M. Barker. – Yale University, Ph.D., 1969. – 264 p.

Анотація

Л. В. Гармаш. Між життям і смертю: тихі діти в романі Ф. К. Сологуба «Творена легенда»

Стаття присвячена аналізу одного з найважливіших типів танатологічних персонажів у творчості Федора Сологуба. Образ тихих дітей охарактеризовано з точки зору їхньої зовнішності, поведінки, особливих якостей, якими вони відрізняються від звичайних дітей і які були отримані внаслідок їхньої смерті і наступного воскресіння, яке стало можливо завдяки науковим відкриттям головного героя роману «Творена легенда» Триродова. Тільки невинні діти, на думку Триродова, гідні отримати безсмертя. Детально розглянуто сам процес проходження ініціації одним з героїв роману – Георгієм Антиповим. Роль тихих дітей у побудові нового суспільства, яку їм відводить Триродов, порівняна з уявленнями про майбутнє людства, висловленими в деяких релігійно-філософських навчаннях і в працях А. Шопенгауера, Ф. Ніцше, Вл. Соловйова, М. Федорова та інших представників епохи Срібного століття. Герой Сологуба переконаний, що міць духовної енергії тихих дітей здатна організувати стихійну силу світової волі, подолати відсталість матерії і перетворити людство.

Ключові слова: тихі діти, танатологічний персонаж, пограничність, життя і смерть.

Аннотация

Л. В. Гармаш. Между жизнью и смертью: тихие дети в романе Ф. К. Сологуба «Творимая легенда»

Статья посвящена анализу одного из важнейших типов танатологических персонажей в творчестве Федора Сологуба. Образ тихих детей охарактеризован с точки зрения их внешности, поведения, особых качеств, которыми они отличаются от обычных детей и которые были получены вследствие их смерти и последовавшего за нею воскрешения, которое стало возможно благодаря научным открытиям главного героя романа «Творимая легенда» Триродова. Только невинные дети, по мнению Триродова, достойны получить бессмертие. Подробно рассмотрен сам процесс прохождения инициации одним из героев романа – Егоркой Антиповым. Роль тихих детей в построении нового общества, которую им отводит Триродов, сопоставлена с представлениями о будущем человечества, высказанными

в некоторых религиозно-философских учениях и в трудах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Вл. Соловьева, Н. Федорова и других представителей эпохи Серебряного века. Герой Сологуба убежден, что мощь духовной энергии тихих детей способна организовать стихийную силу мировой воли, преодолеть косность материи и преобразовать человечество.

Ключевые слова: тихие дети, танатологический персонаж, пограничность, жизнь и смерть.

Summary

L. V. Garmash. Between Life and Death: the Quiet Children in F. K. Sologub's Novel "The Creatable Legend"

The article is devoted to the analysis of one of the most important types of thanatological characters in Fyodor Sologub's works. The images of the quiet children are characterized from different perspectives. Their appearance, behavior and special qualities, which differ them from normal children, are considered. They obtained special qualities as a result of their death followed by the resurrection, which became possible thanks to scientific discoveries of the protagonist of the novel "The Creatable Legend" Trirodov. Only the innocent children, according to Trirodov, are worthy of immortality. The process of initiation of one of the characters of the novel, Egorka Antipov, is considered in details. The role of the quiet children in building a new society, which Trirodov assigned to them, was associated with views about the future of humanity, expressed in some religious and philosophical teachings and the writings of A. Schopenhauer, F. Nietzsche, Vl. Soloviev, N. Fyodorov and other representatives of the Silver age. Sologub's hero is convinced that the power of spiritual energy of the quiet children was able to organize natural forces of the world willpower to overcome the inertia of inert matter and to transform humanity.

Keywords: quiet children, thanatological character, borderline, life and death.

Інформація про автора

Гармаш Людмила Вікторівна – ORCID: 0000-0002-8638-3860; кандидат філологічних наук, доцент кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна